

На правах рукописи

ПОЧЕПЦОВ Сергей Сергеевич

Методология исследования и субкультурные формы
культурно-религиозного многообразия

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород – 2013

Работа выполнена на кафедре философии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель: **Римский Виктор Павлович**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Бабинцев Валентин Павлович**
доктор философских наук, профессор
ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»,
зав. кафедрой социальных технологий

Крикун Елена Владимировна
кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Белгородская
государственная сельскохозяйственная
академия им. В.Я. Горина»,
зав. кафедрой истории и философии

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Тульский
государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»**

Защита состоится 31 мая 2013 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.05 по философским наукам при ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат диссертации разослан и размещен на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>), на сайте Белгородского государственного национального исследовательского университета (<http://www.bsu.edu.ru>) 30 апреля 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В условиях глобализации происходит усиление взаимодействия различных народов, государств, цивилизаций и религий, что порождает культурное многообразие в современном мире, а также плюрализм соответствующих философских и социально-гуманитарных теорий. Эффективность некоторых из них – в частности, политико-идеологической доктрины мультикультурализма и концепции «плавильного котла» (melting pot), предполагающих слияние всех культур в одну «метакультуру», – в настоящее время ставятся под сомнение.

Тем не менее, первая определяет основы общественно-политической и культурной жизни на Европейском континенте, в странах Британского содружества наций, а вторая – в Соединённых Штатах Америки. Но даже в относительно благополучной Западной Европе наблюдается рост экстремизма, обусловленный тем, что иммигрировавшие носители ориентальных цивилизационных традиций редко интегрируются в европейский социум в духе модернистской парадигмы «аккультурации». Среди натурализовавшихся в Европе выходцев из стран Азии и Африки велико влияние религиозных экстремистских организаций, что во многом связано с тем, что в рамках любой культуры сосуществуют и взаимодействуют различные субкультуры. Изучение опыта взаимодействия религиозных субкультур и субкультурных религий с феноменами традиционных культур и религий помогает найти путь к выходу из цивилизационного тупика, в котором оказалось фактически все человечество во всем его культурно-цивилизационном многообразии.

Кроме того, развитие философии и социально-гуманитарных наук на современном этапе требует уточнения ряда существующих понятий и концептов, введения в научный оборот новых, что предполагает дальнейшее совершенствование методологий. Все это определило наш интерес к философско-антропологическому и философско-культурологическому исследованию проблем культурно-религиозного многообразия в жизни

человека, который, так или иначе, реализует свою личностную идентичность в социальных группах, включая и религиозные субкультуры.

Степень научной разработанности проблемы. Прежде всего, необходимо обозначить основные проблемы, философско-теоретические подходы и результаты социально-гуманитарных наук в тематическом поле изучения культурно-религиозного многообразия и субкультурной религиозности как одной из его форм, а также с возможностью использования в философском и научном дискурсе понятий «культурно-религиозное многообразие», «религиозная субкультура» и «субкультурная религия».

Первые проблематизации феномена культурно-религиозного многообразия восходят к философии XVII в. (Ф. Бэкон, Спиноза, Толанд, Монтенель, Ш. де Бросс и др.), а завершение находят в XIX в. – в культурно-эволюционистских исследованиях религии (Э. Тейлор, Л. Морган, Дж. Фрэнгер, К. Маркс и Ф. Энгельс, и др.) и культурно-цивилизационных моделях конструирования исторической дискретности бытия человека и человечества (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, А. Тойнби и др.). Если на переходе от эпохи Возрождения к Новому времени европейский человек открыл внутри своего бытия в лице античности *свое иное*, то к середине XIX – *другое иное*, культурное и религиозное.

Однако, до сих пор сам феномен культурно-религиозного многообразия не получил даже должного понятийного и концептуального оформления. Введение данного понятия заставляет нас обратиться к работам таких зарубежных и отечественных философов, культурологов, религиоведов и антропологов, как М. Андерсон, Л. Бенуас, М. Бойс, Г.М. Бонгард-Левин, Т.И. Буткевич, Г. Виденгрэн, Ф. Дафтари, Ж. Дюмезиль, С.А. Зеньковский, А.И. Клибанов, Л. Леви-Брюль, Ф. Кюмон, Ю.М. Лотман, Б. Малиновский, Р. Отто, М.К. Петров, М.Э. Поснов, Л. Рену, А. Рэдклифф-Браун, Б.В. Титлинов, С.А. Токарев, Е.А. Торчинов, Л. Фробениус, Дж. Фрэнгер, А.Л. Хосроев, Э. Эванс-Притчард, У. Эко, М. Элиаде, И.Н. Яблоков и др.

Проблемы философской теории и методологии, имеющие определяющее значение для данного исследования, нашли своё обоснование

в трудах Е.В. Абдуллаева, К.В. Айвазян, К.З. Ашрафян, В.В. Бартольда, Г. Башляра, А. Бергсона, А. Бивара, Ф. Броделя, Х.-Г. Гадамера, Г. Гегеля, Р. Генона, В. фон Гумбольдта, П.С. Гуревича, Э. Гуссерля, Н.Я. Данилевского, В. Дильтея, Л. Дюмона, Э. Кассирера, А.Н. Красникова, Ж. Ле Гоффа, Г. Лейбница, Г. Маркузе, Ф.М. Мюллера, Х. Ортеги-и-Гассета, С. Рейнака, П. Рикёра, В.В. Розанова, Э. Саида, Э. Сепира, Э. Тайлора, П. Тиллиха, А. Тойнби, Д.М. Угриновича, Р. Фрая, М. Фуко, Й. Хёйзинги, Дж. Шайда, В. Шмидта, О. Шпенглера, Ф. Юнгера, К. Ясперса и др.

В исследовании феноменов культурно-религиозного многообразия, субкультурных религий и религиозных субкультур не последнее место занимают работы, посвященные индивидуальной и коллективной психологии, акцентирующие внимание на внутреннем мире человека, его экзистенциальном опыте, религиозных чувствах и переживаниях. В нашем исследовании мы обращаемся к работам таких исследователей, как С. Гроф, У. Джеймс, К. Леви-Стросс, З. Фрейд, Э. Фромм, К.Г. Юнг и др.

Также необходимо выделить работы, посвящённые искусству, философской антропологии, политики и повседневности, которые рассматривались такими авторами, как: А. Бэшем, М. Вебер, И.Р. Григулевич, Н.Р. Гусева, Е.А. Дорошенко, Е. Дровер, И.М. Дьяконов, Э. Дюркгейм, В.В. Емельянов, В.В. Ильин, М.Б. Кизилев, Ю.М. Кобищанов, И.Ю. Котин, В.С. Кузнецов, И.Р. Лаврецкий, Л.А. Лелеков, М. Лидзбарский, Т. О'Ди, Б. Оля, Н.А. Осокин, Ю.В. Рыжов, П.А. Сорокин, С. Стивенсон, А.А. Файнберг, С. Хантингтон, В.К. Шохин, Т. Элиот, Г. Якоби.

Надо отметить и работы, посвященные непосредственно философским и социально-гуманитарным аспектам субкультурности, как зарубежных авторов (Д. Аусубель, Р. Бергиус, М. Брейк, Г. Гризе, К. Дэвис, К. Кенистон, В. Леонард, М. Мид, Р. Муус, Ф. Найдгардт, Т. Парсонс, Л. Розенмайер, Т. Роззак, Н. Смелзер, Ф. Тенбрук, Л. Хаузер, Д. Френч, С. Эйзенштадт и др.), так и отечественных (С.В. Алещенок, С.М. Артюхов, В.П. Бабинцев, Э.Я. Баталов, И.В. Бестужев-Лада, В.А. Бобахо, В.Н. Боряз, В.М. Быков,

Ю.Н.Давыдов, А.С. Запесоцкий, И.М. Ильинский, И.С. Кон, С.И. Левикова, А.Ю. Мельвиль, К.Г.Мяло, Е.Л. Омельченко, В.П. Римский, И.Б. Роднянская, М.Х. Титма, А.А. Щегорцев, Т.Б. Щепанская и др.).

Понятие «субкультурная религия» введено в научный оборот О.Н. Римской и В.П. Римским. Продолжение исследовательской работы в этом направлении на конкретно-культурном эмпирическом материале и в горизонте осмысления философских и социально-гуманитарных методологий в исследовании культурно-религиозного многообразия позволит, на наш взгляд, продвинуть понимание этих сложных феноменов на новый философско-методологический и теоретический уровень.

Труды указанных авторов позволили нам определить философско-категориальные и философско-методологические ориентиры в изучении феноменов культурно-религиозного многообразия и, прежде всего, генезиса и эволюции религиозных субкультур и субкультурных религий, определения их философско-культурологического статуса.

Исходя из всего вышесказанного, **объектом** нашего диссертационного исследования стал *феномен культурно-религиозного многообразия в его конкретно-исторических и цивилизационно-типологических формах.*

Предметом исследования является *особенности и функции религиозных субкультур и субкультурных религий в культурно-религиозном многообразии Запада и Востока.*

Цель исследования – *выявить специфику культурно-религиозного многообразия, а также форм и функций субкультурных религий и религиозных субкультур в ареалах западных (окцидентальных) и восточных (ориентальных) цивилизаций.*

Реализация обозначенной цели обусловила постановку и решение конкретных **задач:**

– ввести понятие «культурно-религиозное многообразие» и эксплицировать его в контексте становления философских и социально-гуманитарных методологий в исследовании культурно-исторических процессов и бытия человека;

– уточнить содержание понятий «субкультурная религия» и «религиозная субкультура» в связи с исследованием культурно-религиозного многообразия;

– выявить специфику религиозных субкультур и субкультурных религий в культурно-историческом бытии западных, окцидентальных цивилизаций;

– исследовать феномены религиозных субкультур и субкультурных религий ориентальных цивилизаций в их типологической особенности и связи с другими формами культурно-религиозного многообразия.

Методология исследования обусловлена целью и задачами, поставленными в диссертации, а также спецификой анализируемого материала.

Автор опирался на общенаучные принципы историзма, социокультурной обусловленности сознания человека, научной объективности, которые предполагают многоплановое изучение проблемы, анализ различных точек зрения по интересующим вопросам, позволяя адекватно представить динамику процессов культурно-религиозной жизни, их взаимосвязь с многообразными ментальными и социальными феноменами.

Предмет исследования predetermined выбор сравнительно-исторического, культурно-цивилизационного и структурно-функционального подходов в качестве основных методологических стратегий при решении поставленных задач. Диалектический метод в освещении процессов культурно-цивилизационного развития и культурно-религиозного многообразия позволил обеспечить многомерный, комплексный и всесторонний взгляд на тематическое поле, оценить исследуемые феномены с учетом всей совокупности исторических фактов и событий, в их взаимообусловленности и противоречии.

При разработке проблемы автор опирался также на сравнительно-религиоведческий и кросскультурный, психологический, феноменологический, культурно-семиотический методы.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- впервые в философский и научный оборот введено понятие «культурно-религиозное многообразие» и эксплицировано его эвристическое содержание в пространстве сопряжения как классических, так и неклассических методологий в философско-культурологических и социально-гуманитарных исследованиях;

- применение понятия «культурно-религиозное многообразие» способствовало определению религиозных субкультур и субкультурных религий как носителей социокодов, связанных с различными языками и культурными локусами генезиса, показало, что основной критерий разграничения понятий «субкультурная религия» и «религиозная субкультура» – сохранение или утрата связей конкретных феноменов субкультурной религиозности с «материнской» культурно-религиозной традицией;

- выявлена специфика взаимоотношения религиозных субкультур и субкультурных религий как в истории западных цивилизаций, так и в их современной социокультурной динамике, связанные с различным переживанием культурно-экзистенциального и религиозно-психологического опыта трансформации традиционных культур и религий в условиях индустриальной модернизации;

- исследование феноменов субкультурной религиозности в ареалах восточных цивилизаций показало, что данные явления объединяет сфера общего генерирования культурно-религиозных смыслов «нуминозного», но они отличаются друг от друга по структуре и функциям, по их коммуникативным связям с западными культурно-цивилизационными системами.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Использование понятия «культурно-цивилизационное многообразие» позволяет исследовать религию не только как составную и неотъемлемую часть культуры, как «культурный феномен», но и как *ядерный элемент*, способный

формировать в диахронной ретроспективе и синхронном бытии человека *основания культурных систем*. Влияние религиозных форм на культуру столь велико, что они способны создавать новые «религиозные культуры» и «религиозные субкультуры», лежащие в основаниях конкретно-исторических цивилизаций, культурных традиций определённых стран и эпох, определяют актуальную социокультурную динамику современного человечества. Теоретико-методологический потенциал понятия «культурно-религиозное многообразие» позволяет нам опираться не на одну какую-либо методологию или теоретико-методологическую парадигму, а на их *сопряжение* в исследовании истории культуры и религии, морфологии современных культурно-цивилизационных систем.

2. Субкультуру можно определить как совокупность символов, идей, убеждений, ценностей, норм, образов поведения, принимаемых группой людей, которая обособилась, но сохраняет связи с «материнской» культурой. Соответственно, если речь идёт о субкультуре как о совокупности *специфических* (отделяющих её от иных религиозных групп) религиозных символов, идей, убеждений, ценностей, норм, образов поведения, принимаемых группой людей, но не порывающий с «материнской» культурой – *свое иное* – её следует именовать *религиозной субкультурой*. В отличие от религиозных субкультур, субкультурные религии – это *самостоятельные феномены религиозности*, окончательно отделившиеся от «материнских» культурно-религиозных традиций и формирующие свои собственные религиозные доктрины и культовые практики – *чужое иное*.

3. Генезис и эволюция феноменов культурно-религиозного многообразия происходили в ареалах локальных цивилизаций и были связаны с социокодами и локусами исторических религиозных субкультур и субкультурных религий, с различными по происхождению сакральными и повседневными (профанными) языками и ментальными практиками. Мы исходим из того предположения, что субкультурные религии и религиозные субкультуры на Западе, как правило, выполняют функцию интеграции тех

представителей социума, которые настроены оппозиционно по отношению к государству, господствующей конфессии и культурной традиции, поэтому субкультуры Запада выполняют функцию интеграции маргинальных представителей социума (адаптация нонконформистской идентичности).

4. На Востоке феномены субкультурной религиозности обеспечивают сохранение культурно-религиозной самобытности, что связано с продуцированием инновационной идентичности на основаниях культурного традиционализма в локальных субкультурных и субэтнических группах. Религиозные субкультуры и субкультурные религии в ареалах собственно ориентальных цивилизаций (например, караимизм, мандеизм, алавизм на Ближнем Востоке, ислам в Китае, сикхизм, Дин-и-Илахи, зороастризм, джайнизм в Индии) отличаются достаточно большим разнообразием доктрин и организационных форм, потому что их социокоды связаны с различными по происхождению сакральными и повседневными языками. Субкультурные религии здесь зачастую являются локальными религиями и достаточно эффективно выполняют функцию сохранения религиозно-культурной самобытности субкультурных и субэтнических групп населения на Востоке, способствуют выживанию этих групп.

Теоретическое значение нашего исследования заключается в том, что выводы, полученные в ходе исследования, позволяют уточнить по-новому взглянуть на исторические и современные формы культурно-религиозного многообразия, оценить ретроспективное и перспективное положение субкультурных религий и религиозных субкультур в рамках цивилизаций Запада и Востока, при этом субкультурность как таковая может рассматриваться как средство социализации индивида и способ формирования личностной идентичности, что будет способствовать осмыслению путей преодоления антропологического кризиса в бытии современного человека.

Практическое значение нашего исследования состоит в возможности использования полученных результатов для подготовки вузовских курсов лекций и учебно-методических комплексов дисциплин

«Философская антропология», «Религиоведение», «Культурология», «Политология», «История религий», «История философии», а также в воспитательной работе с молодёжью, в разработке различных прикладных культурных и социальных программ работы с молодёжью на региональном и федеральном уровнях.

Личный вклад автора заключается во введении в научный оборот понятия «культурно-религиозное многообразие», которое обосновывает наличие в истории культуры и религии таких феноменов как религиозная субкультура и субкультурная религия. Автор указывает на критерии, которые позволяют провести демаркационную линию между данными понятиями и феноменами, а также определить специфику субкультурных религий и религиозных субкультур Запада и Востока. Личное участие диссертанта проявилось в обосновании методологических ориентиров, в установлении задач, целей и принципов исследования, формулировке новизны и положений, выносимых на защиту, подготовке научных публикаций, отражающих ход и результаты диссертационной работы.

Апробация работы. Автор принимал участие в работе Всероссийской межвузовской теологической конференции (Тульский государственный университет, г. Тула, РФ, апрель 2011 г.), Всероссийской молодежной научной конференции «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, РФ, сентябрь 2011 г.), Международной научной конференции «Дни науки философского факультета – 2011» (Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Киев, Украина, апрель 2011 г.), Международного симпозиума молодых ученых «Культура. Политика. Понимание» (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, РФ, апрель 2013 г.), и др.

По теме диссертации опубликовано 14 научных работ (в том числе 4 статьи в журналах из списка ВАК) общим объемом 4,2 п.л.

Структура работы. Структура диссертации определена логикой исследования, подчинена последовательному решению поставленных задач. Работа состоит из введения, двух глав (по два параграфа), заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержатся обоснование актуальности заявленной темы и краткая характеристика степени её разработанности, формулировка цели и задач настоящего диссертационного исследования, раскрывается его научная новизна, определяются теоретико-методологическая база, а также теоретическая и практическая значимость, сообщается об апробации ключевых идей диссертации.

Первая глава диссертации «Культурно-религиозное многообразие: понятие, сопряжение методологий и субкультурная морфология» посвящена разработке и прояснению нового понятия «культурно-религиозное многообразие», развёрнутому анализу приоритетных методологий в исследовании этого феномена, которые позволяют более конкретно представить специфику таких культурно-плюралистических форм, как религиозные субкультуры/субкультурные религии.

В *первом параграфе «Философско-методологические приоритеты в исследовании культурно-религиозного многообразия»* дается решение антиномии «культура – религия» («культура – культ»), наиболее типичной для философии и социально-гуманитарных наук, путем введения более конкретного метапонятия «культурно-религиозное многообразие», выявляются наиболее эффективные методологические подходы к изучению феноменов культурно-религиозного плюрализма, а также религиозных субкультур и субкультурных религий, как его конкретно-исторических и органических формообразований.

Герменевтическое прояснение этимологии концептов «культура» и «культ», восходящей к их индоевропейским смыслам, говорит об их глубинной культурно-исторической, феноменологической, языковой и

дискурсивной связи. Однако существующие попытки их объяснения и интерпретации явно тяготеют к логическому антиномизму. Первый полюс в истории философии и социально-гуманитарных наук был представлен попыткой обосновать многообразие религиозных и культурных форм в истории человечества полаганием культуры *первичными религиозно-онтологическими основаниями*. В частности, такую концептуализацию мы можем найти в большинстве работ русских религиозных философов XIX-XX веков (от В.С. Соловьева до П.А. Флоренского). Противоположный концептуально-логический полюс составляют фактически все научно-философские теории, для которых «культы» и «религии» выступают лишь продуктом определенных социокультурных условий, подчинёнными элементами (идеальными, ментальными, психологическими, семиотическими, социальными и т.п.) в культурных системах, в основании которых лежат конкретно-исторические способы деятельности человека и социальных общностей, создающих культуру и задающих многообразие ее культурно-религиозных форм и типов. В этих подходах религия представлена в качестве «части», включенной в культуру как «целое».

Нам представляется возможным ввести в философско-культурологический и социально-гуманитарный познавательный дискурс понятие «культурно-религиозное многообразие», снимающее выявленную антиномию путем включения как «культур», так и «культов» в культурно-историческое (диахрония) и культурно-морфологическое (синхрония) «многообразие», в котором мы наблюдаем сложное взаимодействие трансцендентных/онтологических и антропологических/онтических форм бытия человека и жизнедеятельности человеческих общностей.

Мы считаем вполне уместной опору в нашем исследовании сциентистских достижений и эволюционной (стадиально-эволюционной), и культурно-цивилизационной (культурно-монадологической) парадигм в философии и социально-гуманитарных науках. В рамках первой из них формировался сравнительно-исторический метод научного познания

многообразных исторических форм культур и религий, актуальный при изучении генезиса культурных систем, религиозных институтов, доктрин и культов. Этот метод основывается на сравнительном анализе культурных и религиозных феноменов в аспектах диахронии и синхронии. Эпистемологическими предпосылками возникновения сравнительно-исторического метода стали представления о знании как атрибуте человеческого бытия, культурно-историческом феномене, определяемом факторами времени и пространства, различными формами практической и теоретической деятельности человека и социальных групп.

Сравнительно-историческая (кросскультурная) методология выдвигается на первый план в горизонте выявления социокультурных контекстов познания также и в контексте культурно-цивилизационной (культурно-монадологической) парадигмы, что нашло отражение, например, в трудах основоположников этого подхода – Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, А. Тойнби, П. Сорокина, которые положили начало изучению дискретности истории, «плюралистичности культур и цивилизаций» (В.П. Римский), целостных и динамичных социокультурных феноменов, их типологии и морфологии, включая и религиозные формообразования.

Сравнительно-историческая методология в социально-гуманитарных науках на рубеже XIX и XX веков была дополнена принципами системно-функционального анализа культуры и религии, сформулированными впервые в работах Э. Дюркгейма. Собственно, с формированием системно-структурной и структурно-функциональной методологии мы можем говорить о переходе европейской философии и социально-гуманитарных наук от классического к *неклассическому стилю мышления*. Работы Э. Дюркгейма, а затем Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна и других авторов стали началом проникновения функционализма в культурно-антропологические, этнологические и религиоведческие исследования, явились попыткой преодолеть «статизм» вещно-морфологического подхода к исследованию

культуры и религии. Во главу угла структурные функционалисты ставили не изучение самого сегмента, который является одним из звеньев системы, а те *функции*, которые он осуществляет в данной системе. Именно в функциональных особенностях (деятельности) и заключается весь *смысл* определенной системы. В функционировании культурной системы отражается сама ее сущность (смысл и предназначение).

Мы хотели бы отметить, что сопряжение этих классических и неклассических методологий в начале XX века породило такое интересное явление в исследовании культурно-религиозного многообразия как *культурантропология* (по преимуществу феномен североамериканский). Но эффект сопряжения будет не полон без привлечения и других методологий и стилей мышления. Например, важен, на наш взгляд, *психологический подход* к исследованию и пониманию социокультурных явлений, мифологического и религиозного мышления, который представлен в трудах У. Джеймса и З. Фрейда, а затем был развит в работах К.Г. Юнга (особенно в совместных работах с К. Кереньи), Э. Фромма, Э. Эриксона, Г. Башляра, Ж. Лакана, а также таких более современных авторов, как С. Гроф, Е.А. Торчинов и др. Психологический подход направлен на анализ «первичного многообразия» культурно-экзистенциального и религиозного опыта (коллективного и индивидуального), роль в становлении культур и религий архетипов коллективного бессознательного и трансперсонального опыта.

Становление *феноменологической методологии* в исследовании культуры и религии принадлежит крупному немецкому евангелическому теологу и философу Р. Отто, который предпринял попытку описать центральную, сущностную структуру религиозного опыта – «священное» – как «нуминозное», близкое по своим смыслам к экзистенциальному «пограничному» и психоаналитическому «бессознательному» опыту. Принципы феноменологического метода в исследовании многообразия культурно-исторических и религиозных форм развил в своих работах М. Элиаде, писатель, философ, культуролог и религиовед, оказавший влияние на многие отрасли современной науки и европейскую культуру.

Структурная антропология К. Леви-Строса, которого мы бы не относили всецело к «культурантропологии», использует достижения психоанализа и семиотики, изучает не только проблему возникновения и структурирования социума, но и весь спектр социокультурных явлений традиционных обществ, специфику первобытной мифологии и религии, а его последователи переносят его культурно-антропологические идеи и на исследование «общества модерна». Изучение феноменов культурно-религиозного плюрализма имеет дело с текстами, символами и знаковыми системами, в исследовании которых необходимо использовать опыт языкознания, филологической герменевтики, культурной семиотики и структурной антропологии, а также и новаций постструктурализма. Анализ языка, как универсальной знаково-символической системы, открывает новые возможности для интерпретации и понимания культурно-религиозного многообразия.

На современном этапе исследования как культурно-религиозного плюрализма в целом, так и субкультурных религий и религиозных субкультур в частности, необходим всесторонний анализ данных явлений. Использование выше перечисленных методологий и подходов, сложившихся в рамках философского и научно-гуманитарного дискурсов за последние два столетия, в их *сопряжении* способно более полно осветить наше тематическое поле в плане его дальнейшей проблематизации.

Во *втором параграфе «Философско-культурологическая экспликация понятий «религиозная субкультура» и «субкультурная религия»»* на основе сопряжения выделенных философско-культурологических и социально-гуманитарных методологий в понимании культурно-религиозного плюрализма выявляются специфика понятий «религиозная субкультура» и «субкультурная религия», а также возможные критерии их классификации.

Одним из примеров, эксплицирующих колоссальное влияние религии на культуру, является феномен «квазирелигии». По мнению немецкого

протестантского богослова и философа П. Тиллиха, религия и «квазирелигия» зиждутся на тождественных основаниях. К «квазирелигиям» П. Тиллих относил, прежде всего, такие идеологические системы как национализм и социализм. Достигая своего апогея, национализм и социализм трансформируются в идеологии фашизма и коммунизма. Фашизм и коммунизм в Западной и Восточной Европе в XX веке пытались заменить собою традиционную религиозность. Создавая свои новые мифы, ритуалы, героев и богов, «квазирелигии» формировали и свою новую культуру, которая по форме была светской, а по содержанию требовала от общества веры и поклонения.

Актуальность вопроса о взаимосвязи религиозных субкультур и субкультурных религий в контексте как исторического, так и современного культурно-религиозного многообразия определяется тем, что долгое время понятие «субкультура» рассматривалось в рамках психологии, социологии, культурологии, но не собственно философии. Эта работа, как мы отмечали во введении, частично проделана в работах В.П. Римского и О.Н. Римской, которые определяют субкультурные религии как сакрально-мифологические системы верований и ритуальных практик отдельных социальных групп, институализированные и неинституализированные, образующие ценностные локальные миры, продуцирующие индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и способы деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических формах, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности. Однако в работах этих авторов, на наш взгляд и по их собственному признанию, не до конца проведено логическое и концептуальное различение таких понятий, как «субкультурные религии» и «религиозные субкультуры», в том числе и в горизонте сопряжения с жизнедеятельностью реальных, конкретно-исторических индивидов. Это и обусловило наши усилия определить специфику феноменов «религиозных субкультур» во взаимосвязи с «субкультурными религиями».

Можно предложить следующий вариант их разграничения. Поскольку субкультурная религия являет собою *противовес традиционной*

религиозности и не является одним из её элементов, то, следовательно, субкультурная религия может рассматриваться как *привнесённая извне* (в географическом или идеологическом смысле) культурная форма определённого вида и уровня религиозности, порой имеющая черты «квазирелигиозности». В пользу данного предположения могут выступать так называемые «новые религиозные движения» («Общество Сторожевой Башни», Евангельские христиане-баптисты, Адвентисты седьмого дня и т.д.).

Несомненно, что, проникая на ту или иную территорию с чуждой или мало сходной культурной традицией, субкультурная религия может приобретать те или иные специфические черты, таким способом приспособляясь к культурной системе, доминирующей среди населения данного региона. Однако влияние традиционных религиозных воззрений и особенностей культуры населения данного региона не внесут сущностную трансформацию в изначально заложенные вероучительные доктрины и догматические установления субкультурной религии. Всякая трансформация будет сведена лишь к внешним атрибутам и второстепенным элементам рассматриваемой субкультурной религии, позволяя ей, таким образом, лишь более прочно закрепиться на новой территории. С учетом культурных, религиозных, социальных, политических и иных факторов, субкультурная религия способна видоизменяться в зависимости от внешних условий и новой для неё «среды обитания».

Феномены субкультурных религий можно соотнести не только с «нетрадиционной», маргинальной религиозностью, но и с таким явлением как *локальные культы*. В религиоведении давно используется термин «локальный культ» или «локальная религия», например, применительно к зороастризму (парсизму) Средневековья, Нового и Новейшего времени, существующему в рамках исламской цивилизации в Иране и индийской цивилизации на полуострове Индостан. Иранские гебры и индийские парсы являются в ареалах исламской и индуистской культур носителями этнических субкультур, сохраняющих элементы погибшей цивилизации

Сасанидского Ирана. Наследники гностиков и ессеев-назореев – мандеи – составляют этноконфессиональную группу носителей особой субкультурной традиции в давно исламизированной Месопотамии. Джайны в Индии, будучи последователями религиозно-философского учения, некогда оппозиционного брахманизму, ныне стали носителями одной из индийских субкультурных традиций и заняли прочное место в кастовой иерархии индийского общества. Таким образом, опираясь на цивилизационный подход, современные зороастризм, джайнизм, мандейство можно определить не только как локальные религии, т.е. религии, ареал исторического распространения которых ограничен географически и в этнокультурном отношении, но и как субкультурные религии.

Особенностью же религиозной субкультуры является её *связь с базовой или «материнской» культурой*. Религиозная субкультура – это *порождение традиционной культуры (и религии)*, неразрывно связанное с ней. Религиозная субкультура черпает свои основополагающие идеи или доктрины из традиционной религиозности, доминирующей в том или ином регионе, при этом, формируя или привнося свой, новый (возможно, ранее утраченный самой доминирующей религиозной системой) элемент (элементы), который и будет отделять её от базовой религиозной системы. Однако, несмотря на все отличительные признаки и характеристики, религиозная субкультура будет всегда иметь больше сходства, «родственных» связей с доминирующей религиозной традицией, нежели субкультурная религия. Причина данного явления кроется в том, что и в религиозной субкультуре, и в традиционной доминирующей религии в основании будут находиться одни и те же основополагающие элементы, тогда как субкультурная религия, как явление, сформировавшееся на иной культурно-религиозной почве, несёт в себе больше своеобразных, «чуждых» характеристик по отношению к господствующей религиозной традиции.

Ярким примером религиозной субкультуры является субкультура старообрядчества, сформировавшаяся в России после церковного раскола

середины – второй половины XVII в. При этом старообрядцы-беспоповцы создали субкультурную религию, выходящую за рамки русского православия и имеющую временами даже черты контркультуры и антисистемы (хлыстовство, скопчество и т.п.).

И религиозные субкультуры, и субкультурные религии являются носителями определённого социокода, определяющего их принадлежность к той или иной цивилизации. Социокоды, носителями которых являются религиозные субкультуры и субкультурные религии, позволяют разделить их на окцидентальные (западные) и ориентальные (восточные). Введение в научный оборот данных терминов латинского происхождения может способствовать их универсализации. Социокод окцидентальных цивилизаций, культур, религий, религиозных субкультур, субкультурных религий можно назвать европейским. Социокод российской цивилизации определяется как *аналогичный* европейскому, генетически связанный с греческой лингвокультурной традицией. Тем не менее, многонациональная и многоконфессиональная Россия – это еще и страна диалога цивилизаций, культур и религий. При этом российские субкультурные традиции ближе окцидентальным, чем ориентальным (например, субкультуры духоборов и молокан, некоторые старообрядческие субкультуры России близки протестантским и квазипротестантским субкультурам Европы и Америки).

Во **второй главе «Феномены религиозных субкультур и субкультурных религий: диахронный и синхронный аспекты»** рассматривается специфика религиозных субкультур и субкультурных религий в ареалах западных (окцидентальных) и восточных (ориентальных) культурно-цивилизационных систем как фактор, определяющий исторические и современные формы культурно-религиозного плюрализма.

Мы исходили из такого понимания культурно-цивилизационных систем Запада и Востока, в котором они предстают не только как носители различных культурных, религиозно-мифологических и экзистенциальных социокодов, но и «производители» культурных коммуникаций: даже в

условиях средневековых они не были абсолютно замкнутыми системами, вступали в диалог и зачастую порождали причудливый «культурный синтез» и культурно-религиозное многообразие. Уникальность российской цивилизации обусловлена органичным слиянием западных и восточных культурных традиций в её ареале (при преобладании первых).

В первом параграфе «*Субкультурные религии и религиозные субкультуры западного цивилизационного ареала*» эксплицирована специфика феноменов субкультурной религиозности на Западе и в России, выявлена их социальная функция, связь с формами культурно-религиозного многообразия.

В восточной части ареала западных цивилизаций социокоды культур и субкультур связаны в основном с греческим и славянскими языками, а в западной части ареала – преимущественно с романскими и германскими языками. В ареалах западных (окцидентальных) цивилизаций еще в Средневековье сформировались феномены субкультурной религиозности, известные как ереси богомилов, патаренов, стригольников, альбигойцев, движения анабаптистов, меннонитов, русских духоборцев, молокан, старообрядцев, хлыстов и скопцов – в Новое время. Их функция состояла в консолидации социальных (зачастую маргинальных) групп, не признающих авторитет государственной власти, доминирующей культуры, господствующей конфессии. Примерами могут служить богомилы и близкие им патарены, сформировавшие субкультуру, социокод которой был ориентирован на старославянский (староболгарский), греческий (среднегреческий), латинский и средневековые романские языки. Можно также утверждать, что богомильство трансформировалось в *парахристианскую субкультурную религию*, которая объединила на Балканах слои населения, оппозиционно настроенные по отношению к феодальным властям и господствующим конфессиям, что определяло их контркультурный и антисистемный характер, как и других гностико-манихейских сект средневековья (В.П. Римский).

В Российской империи подобного рода субкультурой явилось молоканство, которое со всей своей антицерковностью (непринятием священства и Таинств) стало разновидностью христианского теизма, покончившей с теми смутно-пантеистическими представлениями, которые делают раннее духоборчество не просто явлением антицерковного протеста, но и фактом истории свободомыслия, зарождавшегося в крестьянской среде. Хлысты и скопцы, как носители субкультурной религиозности, не были носителями христианской традиции, а скорее гностико-манихейской, в то время как поповское старообрядческое согласие сформировало субкультуру, тесно связанную с «материнской» православной культурой Московской Руси. Можно также говорить о типологическом сходстве между традициями хлыстовства и скопчества и оргиастическими культами древнего Ближнего Востока.

В отличие от хлыстов и скопцов, последователи большинства беспоповских согласий русского старообрядчества всё же остались носителями старообрядческой религиозной субкультуры, примером чему служит Выговская пустынь, её насельники и их субкультурная традиция. Религиозная субкультура старообрядчества основывалась на том, что ревностное отношение к церковной традиции, её восприятие как незыблемого основания всего человеческого бытия позволяло спокойно существовать, не вникая в глубины и тонкости богословия. Обрядовые установки воспринимались в сознании людей как данные свыше, и не могли нести в себе никаких искажений, что способствовало нормативному сохранению личностной идентичности в условиях «петровской модернизации», насильственно ломающей традиционную культуру России.

Во *втором параграфе «Специфика субкультурной религиозности и культурно-религиозного многообразия в восточных цивилизациях»* эксплицированы особенности субкультурных религий и религиозных субкультур восточного (ориентального) происхождения, проанализирована их социальная функция, сделана попытка преодолеть некоторые стереотипы в понимании восточного типа культурно-религиозного многообразия.

Религиозные субкультуры и субкультурные религии в ареалах классических ориентальных цивилизаций (например, караимизм, мандеизм, алавизм на Ближнем Востоке, ислам в Китае, сикхизм, Дин-и-Илахи, парсизм-зороастризм, джайнизм в Индии) отличаются достаточно большим разнообразием доктрин и организационных форм, потому что их социокоды связаны с различными по происхождению сакральными и разговорными языками. Ориентальные субкультурные религии зачастую являются локальными религиями. Они достаточно эффективно выполняют функцию сохранения культурно-религиозной самобытности субкультурных и субэтнических групп населения на Востоке, т.е. обеспечивают выживание этих групп, сохранение групповой и личностной идентичности.

Уже в современном североамериканском культурно-цивилизационном ареале возникли феномены субкультурных религий, имеющие ориентальное происхождение, но связанные с окцидентальными социокодами, английским языком, его сленгами, пиджинами и креольскими формами. Наиболее яркими примерами их являются растафарианство на Ямайке и «Нация ислама» в США. Так, растафарианство на Ямайке – это монотеистическая авраамическая религия, восходящая к эфиопскому христианству и иудаизму, а также к ямайскому афрохристианскому культу покомания. Растафарианство можно отнести к субкультурным религиям афрокарибов. В США, Европе и странах СНГ раста стала молодёжной субкультурой, представители которой отличаются любовью к музыке регги (reggae), ямайской причёской с дредлоками, курением марихуаны, приверженностью идеям пацифизма, но далеко не всегда разделяют религиозные идеи растаманов Ямайки. Что касается «Нации ислама», то данная субкультурная религия выполняет функцию объединения разочаровавшихся в христианском протестантизме афроамериканцев в ходе борьбы за равноправие с белыми. В США существует проблема диалога между иммигрантами из мусульманских стран и последователями «Нации ислама». Мировое мусульманское сообщество не признало «Нацию ислама» исламской организацией. В

афроамериканской исламизированной среде появились женщины-имамы и субкультурное направление «мусульманский хип-хоп», что усилило недовольство суннитских и шиитских теологов.

Таким образом, несмотря то, что растаманы провозглашают себя последователями Эфиопской Православной Церкви, а члены «Нации ислама» Луиса Фаррахана считают себя мусульманами, растафари и “The Nation of Islam” стали вполне самостоятельными субкультурными религиями, связанными с субкультурами афрокарибов и афроамериканцев. Функция данных субкультурных религий заключается в объединении потомков негров-рабов в период борьбы за равноправие с белыми. Растафари и «Нация ислама» являют собой примеры феноменов субкультурных религий ориентального происхождения, сформировавшихся на Западе, что свидетельствует о возможности плодотворного взаимодействия и взаимопроникновения различных цивилизаций, т.е. о не исчерпанности практик мультикультурализма.

В **заключении** формулируются главные философско-теоретические положения и выводы, в том числе и практические, обоснованию которых и посвящено диссертационное исследование.

По теме исследования опубликованы следующие работы автора:

Статьи в журналах из списка ВАК

1. Почепцов С.С. Религиозные субкультуры: проблема взаимосвязи с субкультурными религиями // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. – № 8 (103). – Вып. 16. – С. 104-109 (0,5 п.л.).

2. Почепцов С.С. Социальная функция субкультурной религиозности (на примере старообрядчества и меннонитства) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2012. – № 8 (127). – Вып. 20. – С. 284-291 (0,7 п.л.).

3. Почепцов С.С. Проблема корреляции понятий «религиозная культура» и «религиозная субкультура» // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия «Философия. Социология. Право». – 2012. – № 14 (133). – Вып. 21. – С. 209-216 (0,6 п.л.).

4. Почепцов С.С. Субкультурные религии в ареале окцидентальной цивилизации (на примере богомилства) // Вестник СевКавГТИ. – 2012. – Вып. 13. – С. 126-131 (0,7 п.л.).

Статьи и материалы конференций

5. Почепцов С.С. Некоторые аспекты отношения к унитарству в византийском обществе эпохи Палеологов // Материалы III международного научного семинара «Классическая и византийская традиция» (1-2 октября 2009 г.). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – С. 183-186 (0,2 п.л.).

6. Почепцов С.С. Взаимоотношение старообрядческих общин и государства в конце XVIII – начале XIX вв.: становление единоверия // Макарьевские чтения: Материалы восьмой международной конференции / Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – С. 111-115 (0,3 п.л.).

7. Почепцов С.С. К вопросу о деяниях Большого Московского собора 1667 года // Каразінські читання: Тези доповідей 63-ї міжнародної наукової конференції (м. Харків, 23 квітня 2010 р.). – Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – С. 283-284 (0,1 п.л.).

8. Почепцов С.С. Проблема формирования субкультуры и контркультуры старообрядчества в XVIII – начале XIX в. // Макарьевские чтения: Материалы девятой международной конференции / Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: Изд-во РИО ГАГУ, 2011. – С. 135-139 (0,2 п.л.).

9. Почепцов С.С. К проблеме дефиниции понятия «субкультурная религия» // «Дні науки філософського факультету – 2011», Міжнародна наукова конференція [матеріали доповідей та виступів] / Редкол.: А.Є. Конверський. – Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011. – Ч. 6. – С. 92-93 (0,1 п.л.).

10. Почепцов С.С. Особенности формирования субкультуры старообрядцев // Третья всероссийская межвузовская теологическая конференция. Вестник ТулГУ: Серия «Теология». – Вып. 7. – Тула: ТулГУ, 2011. – С. 183-186 (0,2 п.л.).

11. Почепцов С.С. Опыт взаимодействия субкультурных религий в Индии (на примере Дин-и-Илахи) // Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» / г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 282-286 (0,3 п.л.).

12. Почепцов С.С. Традиции книжности в субкультуре старообрядчества (на примере Выговской пустыни) // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Социальная работа в современной России: взаимодействие науки, образования и практики». – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 323-324 (0,2 п.л.).

13. Почепцов С.С. Контркультурные традиции в старообрядческой субкультуре // Материалы VI Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 14 апр. 2012 г. / под ред. В.П. Римского и др. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – С.87-89 (0,2 п.л.).

14. Почепцов С.С. Религиозно-культурные аспекты субкультуры меннонитства // Материалы Международного симпозиума молодых ученых «Культура. Политика. Понимание». – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 60-63 (0,2 п.л.).

Подписано в печать 29.04.2013. Гарнитура Times New Roman
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 183.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

